

Андрей Пильский.

О второй из самых – самых продолжительных экспедиций в истории пещеры Снежная... Воспоминания спустя 40 лет.

Вторая по продолжительности из всех экспедиций в 50-ти летней истории освоения пещерной системы **Снежная** началась в декабре 1981 года и закончилась в феврале 1982 года, 40 лет тому назад.

Длительность непрерывного пребывания 4-х участников из её основного состава в пещере Аркадия Иванова, Александра Морозова, Андрея Пильского и Романа Хуббихожина составила 71 день.

Самая продолжительная экспедиция в **Снежную**, также под руководством Саши Морозова, продлилась 86 дней, с октября 1979 по февраль 1980 года.

Итак, экспедиция 81 – 82 годов проходила в 2 этапа. В сентябре 1981 года Морозов провёл заброску 90 модулей, необходимых для работы основного состава экспедиции. Они были складированы наверху *Второго завала* на *Водопадном ручье*, то есть несколько ниже *Университетского зала*. Интересный и подробный рассказ об этой работе можно прочитать по вот этой [ссылке](#). Второй этап этой экспедиции начался уже зимой, в декабре 1981 года. В нём участвовали 8¹ человек: Сергей Аден, Аркадий Иванов, Виктор Козлов, Алексей Крицкий, Александр Морозов, Андрей Пильский, Константин Службин и Роман Хуббихожин.

Став только второй по длительности непрерывного пребывания в пещере, эта экспедиция заметно обогнала самую первую по количеству модульных мешков. Мы запланировали отработать в экспедиции 675 человеко-дней, причём 84 из них отводились на поиск продолжения пещеры в районе дна, базируясь в зале *Икс*.

Вес модулей жизнеобеспечения, с учетом необходимых для работы забросочной экспедиции в сентябре 1981 года, составлял примерно 1400 килограмм.

Всего было изготовлено чуть более 100 модулей. Подготовка такого их количества далась не легко. И к сожалению, в ходе её было допущено серьёзное упущение, которое затем самым неприятным образом отразилось на всём ходе экспедиции.

Поясню. В процессе подготовки экспедиции, уже после завершения закупок продуктов, выяснилось, что два участника основного состава экспедиции — Виктор Козлов и Сергей Аден, вместо участия в подготовке модулей решили съездить в альплагерь.

Изготовление модулей являлось крайне трудоемкой задачей, для этого требовалось следующее: сшить транспортные мешки, склеить гидромешки, расфасовать продукты, изготовить сухое мясо, всё запаять в полиэтиленовые мешки — и это предельно краткий перечень только базовых операций. Разумеется, всем нам, остающимся в Москве шить, клеить и упаковывать в том числе и «их» модули, не понравился такой пассаж Козлова, являвшегося инициатором побега в альплагерь, и мы солидарно попросили Сашу всё-таки заставить наших альпинистов выполнить хотя-бы часть нашей общей спелеологической работы после их возвращения из альплагеря.

Так и произошло. Однако, как же мы пожалели потом, что настояли на их участии в сборке модулей! Дело в том, что им тогда пришлось с нуля запаковать примерно 15 «своих»

¹ *Сергея Адена и Алексея Крицкого уже нет с нами. Роман Хуббихожин давно вышел из общего круга общения и судьба его нам сейчас неизвестна.*

модулей. По отработанной технологии, после укладывания мешка и утрамбовывания его содержимого было необходимо заклеить гидромешок, вставленный в транспортный мешок. Он клеился также из мелиоративной ткани — того же материала, из которого шили транспортные мешки, только он был на 45 сантиметров длиннее его. Закрывался он путем склеивания его краев. При этом до заклеивания из него стравливались избытки воздуха. Это было необходимо, так как модульные мешки подвергались сильным ударам и при наличии воздушного пузыря внутри него приводило к разрыву даже 2-х сантиметрового клеевого шва. Это было подтверждено испытаниями.

Избавиться от опасного лишнего воздуха было очень просто. Кромка отверстия тщательно заклеивалась по её внутренней поверхности специальным герметичным клеем. Но! При этом в клеевом шве оставлялась непроклеенная полоска на ширину 3-4 сантиметра, через которую затем стравливался лишний воздух и затем это отверстие заклеивалось.

Протечек у мешков, изготовленных с соблюдением нашей технологии за все годы ее применения отмечено не было.

При «приёмке» от Виктора мешков Морозов обнаружил наличие воздуха в их гидромешках и категорически потребовал от Виктора устранить этот недостаток.

Выполнить это Морозовское требование было крайне легко. Избыточная длина гидромешка позволяла просто срезать его уже склеенный край, а потом просто-напросто заклеить гидромешок заново, только предварительно стравив из него лишний воздух.

Но! Виктор пошел другим, даже ещё более простым путём. Он проколол шилом все гидромешки с избыточным воздухом внутри. Вытравил его и потом просто заклеил дырки, естественно заплатками с внешней стороны мешка. И это было его большой ошибкой.

Наружная сторона гидромешка из гидромелиоративной ткани была покрыта довольно тонким слоем резиноподобного, серебристого цвета, материала, который предназначался для закрепления внутреннего слоя тонкой черной резины через слой лавсановой ткани между ними.

То есть к наружному серебристому слою нашим специальным клеем [«88 НП»](#) вполне нормально приклеивалась небольшая заплатка. Но! Сам серебристый слой обладал крайне малой прочностью крепления к мешку. Из-за значительных механических нагрузок и связанного с ними трения гидромешка об наружный транспортный мешок эти заплатки быстро отлетели, слой лавсана от воды не защищал, а дырка в черной резине на изнанке гидромешка никуда ведь не пропала. Эти мешки стали активно всасывать не только воздух, но и воду тоже.

Вообще-то внутрь гидромешка для дополнительной защиты от воды вставлялся герметичный мешок из толстого полиэтилена, внутрь которого вкладывался мешок из 2-х сантиметрового поролона и вот уже в него укладывались продукты, также упакованные в запаянные полиэтиленовые мешки. Однако если вода стала проникать внутрь гидромешка — то спасения от неё уже нет. Модульные мешки в процессе транспортировки испытывают значительные механические нагрузки, приводящие к неизбежным нарушениям герметичности сварных швов полиэтиленовых мешков.

Эта ошибка Виктора повлекла за собой целую цепь событий. Уже в зале *Победы* ему пришлось заняться переупаковкой модульных мешков — разбирать их, находить это злосчастное отверстие, заклеивать его изнутри и по новой собирать модули для их дальнейшей транспортировки, предварительно высушив уже подмокшие продукты. На все эти действия требовалось весьма значительное время, и поэтому он пропускал все, так называемые, промежуточные выходы по переноске модулей через завалы с лагерями.

Пока все мы таскали мешки, оставленные ранее у подножий завалов, к спускам на реку Виктор каждый раз оставался в лагере, заниматься не сильно обременительной работой. Разумеется, к «длинному» рабочему выходу он всегда был свеж и бодр, в отличии от всех нас, утомленных тасканием мешков накануне. Тем не менее он не стеснялся постоянно ворчать, что дескать мы ему напоминаем сонных мух.

Запомнилось, что часть продуктов в мокрых модулях отчаянно пропахла чесноком. Он ведь тоже промок, подгнил и поэтому пропитал своим запахом, отлично проникающим через полиэтилен, даже чай и сахар рафинад. Эту беду просто перетерпели, так как доля промокших модулей была всё-таки небольшой, в сравнении с их общим количеством.

Надо сказать, что сменить Виктора на его посту на «продбазе» никто не мог, так как одновременно с переупаковкой он еще лечил нарывающий палец назначенными ему доктором Крицким процедурами. Так что «продбаза» была еще и лазаретом.

Леша Крицкий до учёбы на медико-биологическом факультете мединститута закончил фельдшерское училище и хоть и стал потом не доктором, а научным биологом, но лечить любил и умел.

Таким образом, незаметные маленькие дырочки в мешках позволили двойке из постоянно отдыхавшего на коротких выходах Виктора Козлова и не отдыхавшего, но имевшего отличные физические кондиции, заметно выше средних по нашей экспедиции, Сергея Адена претендовать на лидерский статус и определенную самостоятельность в действиях.

Что заметно сказалось самым негативным образом на всём ходе экспедиции. Первым звоночком стало поведение Козлова в ходе последнего длинного перехода, от *Глиняного завала* в зал *ИГАН*а.

Тут необходимо пояснить, что для 2-х недель работы на дне, планировалось забросить 12 модулей на 6 человек, в зал *Икс*. То есть до зала *ИГАН*а требовалось забросить: 1 модуль для лагеря в зале *ИГАН*, 6 личных мешков, 12 модулей для зала *Икс*, 2 кухонно-лагерных мешка и 2 с различным снаряжением. Таким образом при переходе с *Глиняного завала* в зал *ИГАН*а на каждого из нас приходилось почти по 4 мешка.

Переход до *ИГАН*а оказался крайне тяжёлым. По моим записям только само движение заняло 56 часов, а общий период бодрствования составил 64 часа.

Сами по себе сверхдлинные рабочие выходы в экспедициях Морозова или Усикова не были чем-то удивительным. Я, к примеру, в свой первый визит в *Снежную* летом 1979 года принимал, вместе с Булатом Мавлюдовым, участие в выемке снаряжения экспедиции ИГ АН СССР под руководством Данилы Усикова. Тогда мы не спали 60 часов, а работали 48 часов. Данилу и Татьяну, выходящих из *Университетского зала*, мы встретили наверху *Большого колодца* и потом уже вчетвером выходили без посторонней помощи. Многочисленные спелеологи внутри и рядом со *Снежной*, в том числе и спелеологи КС МГУ, помочь нам вроде и хотели, но боялись своих командиров, которые в свою очередь боялись Падалко и Ефремова, которые боялись Илюхина. Да! Такие были времена².

Итак, вернёмся в 1982 год. К переходу до зала *ИГАН*. Примерно в середине этого выхода, Козлов неожиданно предложил Саше Морозову разделить нас на две неравные группы: он вместе с Аденом в одной группе, а мы все, т.е. Морозов, Иванов, Хуббихожин и я во второй. И в таком составе тащим дальше пропорциональные количества мешков до *ИГАН*а. Мне эта идея сразу не понравилась по многим причинам. Но! Витя Козлов уже

² Открытое [письмо](#) спелеологам СССР от Г. Людковского, А. Морозова и Д. Усикова (август 1979 года), стр 5.

много часов и много дней до этого всем своим видом и поведением демонстрировал недовольство темпом нашего продвижения.

Разумеется, скорость нашего передвижения определялась физическими кондициями самого медленного «участника» в группе. А таковым тогда был Саша. Ведь ему было уже 44 года, тогда как Козлову 25 лет, Адену 24 года, мне 23 года. Только Рома Хуббихожин был чуть постарше нас, лет на 5. Сашина возрастная разница в 20 лет неизбежно сказывалась. Он понимал это и старался занимать такие рабочие позиции где этот эффект был минимален. И ещё справедливости ради надо добавить, что Саша работал может и несколько медленнее нас, но при этом делал это очень и очень уверенно. К тому же он обладал гораздо более высокой устойчивостью к тяготам экспедиционной жизни и работы — например, он всегда первым продолжал наше движение после привалов.

Я тогда был против деления на две группы с пропорциональным разделением груза. Было совершенно ясно, что темп движения 4-х человек с 15 мешками по реке будет намного ниже темпа движения 2-х человек с 8 мешками. Одно только выстраивание оптимальных цепочек передачи мешков между 4 людьми будет занимать весьма значительно замедлять наше движение. В то время как двойка практически не будет тратить на это своё время. К тому же организовывать промежуточное складирование 15 мешков гораздо затруднительней, чем размещать половину от их количества. Ну и так далее...

Думаю, что Иванов и Хуббихожин не хуже моего понимали всё это, но... Морозов не меньше нашего был ошарашен и разозлён этим демаршем и поэтому прервал дискуссию и ледяным тоном распорядился разделиться.

Разумеется, Козлов и Аден практически моментально пропали из нашей видимости и слышимости. Ну а наш темп движения стал еще ниже. Они ускорились, а мы вполне ожидаемо замедлились...

Тем не менее, несмотря на деление нашего груза, мы сумели в более-менее работоспособном состоянии добраться до начала *Ревущих каскадов*. Надо заметить, что из всех нас ранее этот участок проходили только Саша Морозов и Виктор Козлов. Мы уселись отдохнуть и перекурить у веревки, которая была натянута над уходящим круто влево и вниз залом. Причем эта веревка практически не имела наклона. Некурящий Саша Морозов полез вниз разобраться с верёвкой. Мы отдохнули и покурили, а Саши-то всё нет и нет... Следующим вниз пошел Рома Хуббихожин. Для решения вопроса — запускать всё-таки мешки по троллею или нет? Ушел и тоже пропал... Ждали его довольно долго. Ожидание стало уже напрягать. Какого они оба пропали и ни гугу?! Мы периодически кричим в это пространство — нам никто не отвечает. Стали решать кто же из нас двоих рискнёт уйти в пугающую неизвестность, подобно нашим уже пропавшим товарищам?

К тому времени мы уже давно убрали из наших фонарей яркие лампочки на 3,5 вольта, заменив их на гораздо менее яркие лампочки в 2,5 вольта. Да и те уже еле-еле светили ввиду практически высаженных батарей. Поэтому мы сидели в темноте.

Посветили мы с Аркадием себе на сапоги и обнаружили что его сапоги было видно заметно лучше. Он и пошёл третьим вниз. Я тогда еле успел его спросить: «А что делать с мешками, если ты тоже бесследно исчезнешь?». «А ты, как только решишь запускать модули по троллею — подожди еще столько же времени и пускай!» — таким был его ответ. И я почему-то тогда совершенно не заметил в нем никаких странностей и спокойно стал ждать его назад. Бесполезно и долго.

Прождал, решил запускать мешки на веревку, еще столько-же подождал и всё-таки полез вниз со своей уже совсем не боевой лампочкой. Не лампочка была, а электро-окурочок

какой-то! Спустился в какой-то зальчик, веревка осталась где-то правее и значительно выше. Мы ведь так и предполагали, что скорее всего она убрана от паводкового водотока.

Стал осторожно продвигаться вперед и совершенно случайно поводя фонарем уловил очень тусклый металлический отблеск. Подошел ближе и обнаружил внутри маленькой ниши в стене мирно спящего Морозова. Он довольно уютно там улегся и просто спал. Что было вполне объяснимо после почти 50-ти часовой работы. Я тогда совершенно не был возмущен — только сильно ему позавидовал.

Практически одновременно раздалось приближающиеся снизу голоса и дальше всё пошло нормально. Нас стало опять шестеро, и мы довольно бодро добросили мешки по *Ревущему каскаду* до зала *ИГАН*. Кстати сказать, мы его тогда никогда не провешивали.

В итоге все участники в этом выходе проработали одинаковое время. Так что в сущности разделение на две группы не имело абсолютно никакого смысла. Только значительно продлило выход, который мог закончиться на 2-3 часа раньше.

Правда недавно я услышал от Виктора Козлова, что он с Серёжей Аденом «спас» тогда нас с Морозовым. А мне хотелось сказать в ответ — спасибо, что вы нас тогда не угробили. Но! Я промолчал... Дело прошлое...

Для меня этот и почти такой-же тяжелый предыдущий выход оказались крайней точкой терпения моего организма. Резко обострилось давнее хроническое заболевание — язвенная болезнь луковицы 12-ти перстной кишки. Все две недели в *Иксе* я спал, ел геркулесовую кашу в качестве лекарства и надеялся, что выйду на поверхность без прободения, которое однозначно означало-бы гибель.

Саша поступил тогда абсолютно верно. Запретил мне любые физические усилия и потребовал, чтобы я просыпаясь каждый раз обязательно съедал миску геркулеса в качестве защитного средства. И это сработало. Примерно через неделю приступы боли стали гораздо реже. Рвота прекратилась и настроение стало подниматься. К концу двухнедельного сидения на геркулесе я сам стал Геркулесом. Почисте Козлова.

Более серьёзным последствием «выделения» Виктора Козлова и Сергея Адена в самостоятельную единицу стало разделение фронта работ на дне. Дело в том, что благодаря серьезной скалолазной подготовке Сергею Аденому удалось проложить маршрут в верхние горизонты **Снежной** над залами *ИГАН* и *Икс*. В основе этого первопрохождения лежало Витино стремление прорваться на склоны гор над селом Дурипш. Разумеется, эта его мечта оказалась тогда нереализованной. А Саша Морозов, слушая его очередные рассказы о необычных запахах в новых ходах и о находках в них каких-то то ли листиков, то ли веточек, осторожно и довольно ехидно спрашивал — а следов там он не видел? Каких следов, людей, что-ли? — переспрашивал Витя. Да нет, не людей, просто таких раздвоенных копытец, ну и запаха серы там не ощущался? — Добавлял Саша. Впрочем, Виктора эти вопросы не смущали, поскольку ключевой участок их маршрута Аденом прошел, и благодаря этому Витя стал совершенно счастлив, так как теперь у него появилось своё направление работ и он мог не обращать большого внимания на наши подколки.

Работа же внутри завала *Метростроя*, оказалась практически сорвана, так как двойка Козлова – Адено занималась работой преимущественно по своему направлению, ну а к тройке Морозов–Иванов–Хуббихожин удача за эти 2 недели повернулась спиной. Возможно, что она обиделась на то, что только половина участников экспедиции стала работать в завале.

В этой экспедиции в **Снежную** мы зашли сразу всем составом, то есть все 8 участников одновременно начали движение к залу *Икс* одновременно. Но, сама экспедиция основного состава началась несколько раньше. Тройка Козлов, Адено и Службин выехали

из Москвы раньше для подъема тех самых «дырявых» мешков, которые не попали в предварительную забросочную экспедицию.

Зашли мы в пещеру все вместе, а вот выходили по отдельности. Первыми ушли с *7-го завала* Леша Крицкий и Костя Службин. Это была странная история. Костя отлично работал, его физические кондиции были весьма высоки. К тому же он по жизни был очень даже серьезным скалолазом. Я лично наблюдал какие фокусы он показывал на развалинах замка Екатерины Великой в Царицино. К примеру, он мог подняться по внутреннему углу до окна в башне развалин над озером. Но! Почему-то его организм забастовал на *7-ом завале* – у него случился приступ необъяснимой боли с разными другими неприятными эффектами. Понять, что его вызвало мы не смогли. Поэтому решили не рисковать и предложили ему выходить, пока ситуация не усугубится. Провожать его отправился Лёша Крицкий, исполнявший обязанности врача.

При выходе на поверхность они в полной мере хлебнули разных приключений, описание которых можно прочитать вот [здесь](#).

Второй выходящей двойкой стала двойка Козлова – Адена. Дело было в том, что Сергей уже опаздывал на свою свадьбу, а Морозов планировал проводить обследование притоков, так как ранний уход Леша и Кости на поверхность сэкономил нам немного модулей. Вот он и решил воспользоваться случаем побыстрее поднять меня поближе к выходу из пещеры. На всякий случай. Моя язва к тому времени уже утихла. То есть боли прекратились, и наша пока еще тройка рванула из *Икса* наверх...

По рассказу Сергея Адена, уже в современный период общения с ним, на этом обратном пути уже не Козлов травмировал мою психику своим темпом работы, а наоборот я нарушал его комфорт. Честно говоря, я был рад рассказу Сергея. Что-то было в этом очень правильное... Ведь тогда эти две недели на дне дали нам всем возможность избавиться от усталости, накопленной изматывающей транспортировкой мешков. Вот тогда и выяснилось, что когда нет рядом с нами медленного Морозова, то его роль стал в какой-то степени выполнять Виктор Козлов.

Я дошёл с ними до зала *Победы* и остался там ждать Сашу с остальными ребятами. Примерно 3-ое суток прожил там один, дождался их, и мы сразу переместились в *Университетский зал*. Там неподалёку находился последний объект, намеченный нами для вероятного первопрохождения — исток *Водопадного ручья*.

На это мероприятие мы пошли втроём. У Ромы Хуббихожина, профессионального водителя такси, обострилось заболевание рук, и он остался в лагере в Университетском лагере.

Вышли втроем: я, Аркадий Иванов и Саша Морозов. Никакого специфического снаряжения у нас не было. Топо-набор, молоток, пробойники и несколько шлямбурных крючьев. Да еще немного верёвки, метров 15. Вот и всё... Спустились с *Нулевого завала* на ручей. Сначала осмотрели место выхода этого ручья из завала. Там надо было лезть наверх и этот путь мы сразу признали неперспективным. К тому же было понятно, что это не основной водоток *Водопадного ручья*. Это просто из *Большого колодца* был водоток. Стали осматриваться и довольно быстро попали в зальчик с вполне нормальным водопадом с площадки на высоте где-то метров 6-7. Подняться на эту полку без нормального восходительского оборудования было не реально. К тому же сам водопад нависающий, а стенки зала имеют отрицательный наклон. Короче, надо было уходить...

Надо сказать, что ни Саша, ни Аркадий не горели желанием подниматься на этот водопад. Экспедиция к тому времени вымотала всех просто своей длительностью. На подвиги на обратном пути уже не особенно тянуло. Но! Мне лично, в отличие от Саши и Аркадия, вообще не удалось ничего сделать. От слова **СОВСЕМ**. Они-то хоть по новым

участкам ручьев прошли. Хоть какое-то первопрохождение сделали. Козлов, благодаря Сергею Адену, вообще в верхнюю систему³ над залом *ИГАН* прошел. Все в чём-то таком поучаствовали, а я один остался не удел. Только мешки таскал...

И тут мне пришла в голову простая такая мысль. Ведь я за всю эту экспедицию и прошлую тоже рассмотрел на миллионы сливов и водопадов, двигаясь по ручью и реке вниз. Везде вода сливалась по проточенным ею каналам шириной от нескольких сантиметров до их десятков.

Поэтому я последовательно завязал на конце нашей «штурмовой» веревочки несколько разнокалиберных узлов и стал забрасывать её за край водопада. Несколько раз веревка срывалась. Однако наконец-то она за что-то зацепилась этими узлами. Мы стали осторожно нагружать ее. Аккуратно подергали. Но! Она держалась крепко. Я прицепился к ней, потом осторожно попрыгал с целью заклинить ее узлы посильнее и затем стал остороженько подниматься на зажимах рука–нога. Очень медленно и очень осторожно. Товарищи стояли готовые применить т.н. «[гимнастическую](#)» страховку. Совершенно не уверен, что они успели бы среагировать, в случае необходимости... Я поднялся почти до края водопада и обнаружил, что один из моих узлов хоть и засел в проточенном водой канале, но почти на 2/3 торчит из него. Как можно осторожней я зацепился левой ногой, освобожденной от стремени и обоими руками за край водопада и забросил себя на него. Наверяд-ли я смог бы сейчас, через 39 лет повторить такой цирковой трюк ...

Дальше всё было очень просто. Забил крюк, навесил верёвочку. Саша и Аркадий поднялись ко мне, и мы все вместе стали искать проход в обнаружившемся на дальнейшем пути завале. Проход нашли, вернее нашли очень узкий лаз. Но! Его перекрывал каменный выступ сантиметров в 15, торчащий аккурат поперек пролаза. Ну, я был уже на адреналине от такого подъема на водопад и сдаваться не собирался. Пару часов убил на удаление этого выступа с помощью молотка и пробойника для шлямбурного крюка.

Аркадий Иванов в тот выход довольно плохо себя чувствовал, был как говорится «без настроения». Для каждого из нас это было знакомое ощущение, вполне уместное в экспедиции такой длительности и с такими трудозатратами. Так что ничего особенного в этом не было, все справлялись с эпизодическими спадами настроения и с временными упадками сил. Поэтому я на реплики Аркадия про «хорош топтать Муму» и «пойдем лучше есть вкусную кашку» не реагировал. Как впоследствии оказалось — очень зря я так поступил в тот выход.

Когда образовался проход в микро-завале над водопадом, мы выскочили на верхнее течение ручья. Вначале его был объективно гиперопасный участок, на котором всё вокруг состояло из крайне непрочного конгломерата. Причем настолько непрочного, что этот участок было невозможно провесить веревочными перилами. Любая попытка закрепить веревку приводила к обрушению использованной для этого опоры. Все самые потенциально опасные места мы обрушили в ручей. Но, сколько бы мы там потом не проходили в последующем — всегда там что-то отваливалось от стенок ручья и падало...

Зона конгломерата быстро закончилась и дальше всё стало просто волшебным. Мы прошли всё верхнее течение⁴ водопадного ручья, обнаружив два его устья. Орографически

³ Смотри «восх. Адена» на [схеме системы пещеры Снежная](#) из "Атласа пещер России", РГО, 2019.

⁴ Смотри «восхождение Пильского» на [схеме системы пещеры Снежная](#) из "Атласа пещер России", РГО, 2019.

правый исток брал начало из водотока серьезного колодца большого сечения и высотой в несколько десятков метров. Левый приток выходил из плотного завала.

Сделали топосъемку всего верхнего течения и крайне довольные состоявшимся первопрохождением двинулись назад. Первое ЧП случилось на конгломератистом завале — Саша свалился в ручей и сильно ушиб бок. Способность двигаться он сохранил, но сильно замедлился и попросил нас его не ждать так как лагерь был уже, что называется, в двух шагах. Мы проработали уже больше 15 часов без перекуса, и всем нам уже давно пора было отдохнуть и поесть. Очень даже пора.

Нам оставалось подняться от ручья на *Нулевой завал* и потом подняться по второму уже неглубокому колодцу внутри завала. В этих колодцах у нас висели тросовые лестницы.

Итак, я поднялся в первый колодец над ручьем, попросил Аркадия дожидаться Сашу и ушел подниматься во второй короткий колодец. Благополучно поднялся в него и потом совершил ошибку. Дело в том, что при самостраховке на первых метрах подъема по лестнице, пока вес веревки, выходящей из страховочного зажима, ещё не велик возможно его «закусывание». Страховочный зажим, вместо того чтобы свободно пропускать при подъеме внутри себя веревку, начинает просто тянуть за её за собой и образуется веревочная петля. При срыве это приводит к крайне печальным последствиям.

Есть два способа избежать такого опасного развития событий. Первый — быть внимательным и просто регулярно подергивать веревку через самостраховочный зажим при первом десятке метров подъема по лестнице. Затем веса веревки ниже зажима хватает для его плавного скольжения без закусывания. Второй способ состоит в том, что страховочная веревка фиксируется внизу каким-либо небольшим грузом. Например, мешком. Только не в натяг. Собственно, я сам так и поднялся тогда во второй колодец. Подвязал мешок со снаряжением к страховочной веревке. Тогда можно забыть контроле движения страховочного самостраховочного зажима.

Однако, поднявшись в этот последний колодец перед *Университетским залом*, я сделал ошибку. С учётом угнетённого состояния Аркадия я решил вытянуть тяжелый мешок с лестницами, которым натягивал страховочную веревку, и отнести его к другим, оставленным ранее внутри *Нулевого завала*. Чтобы ему можно было двигаться по завалу налегке, без мешка.

И вот тут произошло ЧП. Лестница порвалась под значительно более легким чем я Аркадием. А так как он не контролировал движение своего страховочного зажима по страховочной веревке то образовалась её значительная петля. Которая и стала причиной сильного удара затылочной частью головы при обрыве лестницы. Надо признаться, честно — на какое-то время меня охватила сильнейшая паника.

Аркадий в сильном стрессе орёт на меня, требуя спустить ему новую лестницу пока он еще в состоянии самостоятельно передвигаться и что крови становится все больше...

А порванную им лестницу использовать нельзя. Она оборвалась примерно посередине. Все другие наши лестницы лежат в мешках, которые я уже успел утащить от колодца довольно далеко. Я сразу же экстренно метнулся к этим мешкам за лестницей. Взял одну и прибежав назад стал пытаться спустить ее Аркадию. А она, тварь, не доходит. А мне нечего подцепить к её концу. Сразу притащить вместе с ней назад мешок я не догадался. А Аркадий всё продолжает давить мне на психику. А скидываемая мной лестница всё цепляется за стенки этого колодца и цепляется...

В результате я как-то вылез на середину колодца и смог спустить до него новую лестницу. Хорошо ещё, что с моей верхней страховкой он смог подняться в этот колодец практически самостоятельно. А дальше он нёсся вверх по завалу так, что я еле успевал

двигаться рядом — на случай потери им сознания. Мы благополучно долетели, по-другому и не скажешь, до лагеря. Неслись так, что я даже снял очки. Они напрочь запотели от дыхания в таком темпе. У меня очень большой минус, весьма. Но хоть что-то тогда без них видел и то хорошо!

Помню, как с верха *Нулевого завала* я крикнул Роме – кипяти воду, Аркадий голову разбил! После этих слов в его палатке на несколько секунд резко погас свет, так как Рома резко рванулся на выход и сбил свечку. ЧП продолжались...

Однако пожара не случилось и потом всё происходило уже совсем не так экстремально.

Оказавшись в лагере, мы сразу же обработали рану. Рома всё очень быстро наладил. Ткани на затылке Аркадия вздулись так, что рана стала глубиной в две фаланги моего указательного пальца.

Когда в лагерь пришел Саша, рана уже была обработана и забинтована.

В той экспедиции так вышло, что сначала я оказался самым больным на дне пещеры в зале *Икс*, но зато потом, в *Университетском зале*, стал самым здоровым из нас.

Дальше ничего особенного не происходило. Спокойно эвакуировались из пещеры. Мне пришлось тащить все мешки из колодцев. Саша и Рома помогали, но у Ромы болели руки от нагрузки, а Саше было больно глубоко вдыхать. А я наоборот шел от всего этого адреналина просто как железный робот.

Интересно проходила эвакуация из *Большого зала*. Мы обнаружили там следы лагеря и записку от Виктора Козлова с предупреждением, что выход из *Снежной* забит снежно-ледовой пробкой. О судьбе Леша Крицкого и Кости Службина – ни слова...

Поставили лагерь, и мы с Ромой пошли наверх на рекогносцировку. У нас к тому времени уже напрочь закончились все сигареты. Но, Аркадий признался, что в его мешке с личными вещами, которые мы оставили висящими на мощном крюке «морковка» вбитом в стенку входного колодца, есть две пачки сигарет «Пегас». Окрыленные этой новостью мы быстренько вышли на дно входного колодца. Пробки не было, следов ранее вышедших товарищей тоже не обнаруживалось. Крюк-то мы нашли. А вот мешков на нем уже не было. И где они находятся было непонятно.

Это было страшное разочарование — надежда покурить нормальные сигареты, а не самокрутки с табаком из «бычков» найденных на местах лагерей уже много часов согревала и мотивировала нас. Ну и отсутствие нормальной одежды и прочих нужных личных вещей также не обрадовало, мягко говоря.

Для исправления этой ситуации у нас была качественная лавинная лопатка и ледоруб. Нас было двое — я и Рома Хуббихожин, у которого сильно болели руки и активно копать снег он не мог. Пришлось мне в одиночку начать, продолжить и закончить это дело. И всего-то я за каких-то 4 часа выкопал все наши мешки, которые снежные лавины унесли в нижнюю точку дна входного колодца.

Мешок Аркадия с сигаретами мы выкопали последним. Выкурили сразу по 4 сигареты...

Я бросил курить 13 лет тому назад. Сейчас совершенно не тянет к сигаретам. Но! Ту пачку я помню так, как будто она была выкурена только вчера.

Тогда для меня с Ромой эти сигареты оказались подарком богов за все перенесенные в той экспедиции тяготы.

Дальше все было уже не так интересно. Поднялись из **Снежной** и на выходе с плато встретили Севу Ещенко с небольшой группой. Он разбинтовал рану Аркадия, осмотрел и позадал ему свои медицинские вопросы. По своему обыкновению Аркадий, отвечая на них, отчаянно матерился. Надо сказать, что он всегда на несколько дней послеэкспедиционных дней переходил на русский матерный. А поскольку с Севой были ещё какие-то барышни, то мы стали извиняться за этот его матерный русский. Тогда барышни, потрясённые видом окровавленных бинтов на его голове, строго посмотрели на нас и хором сказали — Вы что? Ему же можно!

И последняя «ми-ми-ми» история из той экспедиции. Спускаемся к селу Дурипш по почти ровной тропинке от «Белых стрел». Ночь и уже довольно тепло. Впереди меня двигается Рома Хуббихожин. Станки у нас совершенно неподъемные, так как мы с ним здорово разгрузили Аркадия и еще немного Сашу с его больным боком.

Вдруг я вижу, что Рома падает на тропу как подкошенный. Я пытаюсь подбежать к нему. Но, сильно с таким весом не ускоришься. Снимаю свой станок. Подхожу к не шевелящемуся Роме, уже готовый к чему угодно...

А он лежит навзничь под станком и сладко так похрапывает... Что поделаешь? Дали ему подремать минут 10 и разбудили. Дурипш-то находился уже совсем близко.

Всё-таки это было огромное наслаждение вернуться после 71 дня в **Снежной** и всех этих коллизий в цивилизованный и комфортный мир социализма и дружбы народа. Сейчас уже трудно объяснить даже самому себе — почему все мы тогда с таким энтузиазмом убегали из него в **Снежную**?

Москва, лето 2021 года.